

ТЕАТР ГРУЗИНСКИХ МАСТЕРОВ

Советская культура

ПЕРВЫЙ спектакль тбилисской «Я, бабушка, Илко и Иларрион» создан на основе повести Н. Думбадзе (авторы инсценировки Н. Думбадзе и Г. Лордкипанидзе). Последний является одновременно и постановщиком спектакля. Это история всего одного деревенского пареня-сироты Зурико, воспитываемого бабушкой и двумя соседями-стариками Илко и Иларрионом. — лирическое повествование о дружбе и любви.

Спектакль скопирован из ярких жанровых сцен, блестяще сыгранных актерами. Невозможна в своей оригинальности и жизненной правдивости старейшая грузинская актриса С. Такашвили в роли бабушки, обаятельная Л. Антадзе — Зурико, великолепен дуэт А. Жоржолани и Г. Костава в ролях Илко и Иларриона. Можно выделить еще многих исполнителей, потому что каждая, даже самая маленькая эпизодическая роль вышла в спектакле яркое воплощение.

К сожалению, сцены эти драматургически разобщены. Здесь мы встречаем не совсем привычный и, прямо скажем, не во всем «проходивший» прием утверждения идеи через большое число иллюстративных записок. Можно видеть в этом новаторство, а может быть, дело обстоит проще: драматургические несовершенства спектакля объясняются тем, что в основе его инсценировка?.. В повести жизненные явления легко и просто раскрываются в описаниях событий. В спектакле авторские объяснения чужды и интереснейшие монологии Зурико, который выходит на авансцену и зарезультативно, неслучайно рассказывает, что было и что еще будет. Но только ушел Зурико, и мы забываем его расказ. Подобный прием был бы оправдан, если бы он как-нибудь раз фиксировал рост героя, формировал его характер,

мировоззрения. Но этого не происходит: Зурико мало участвует в событиях, а только пассивно присутствует. Он, например, плохо учится в школе, его успехи в сельскохозяйственном институте также не блестящи. И все же какими-то образом Зурико кончает институт. Выходит, что, как бы легкомыслили ни вел себе молодой человек, жизнь равно или поздно выведет его из пути истинного и без каких-либо усилий с его стороны.

Так изображен герой, так показывается современность. Но современность ли это? В пьесе есть отдельные обозначения времени, но только обозначения. Сцена уроков напоминает скорее дореволюционную сельскую школу. А какие черты современности несут персонажи из картин в вагонах, если не считать того, что замешательство Амбико (в колоритном исполнении Г. Саиварелидзе) напоминает, что его погибшего во время сына тоже звали Зурико. Вряд ли приметливых людей может смутить и то, что один из пассажиров едет в коммундировку, а другой — продавать груши.

В этом отношении выгода отбрасывается привнесенная на гастроли старая работа марджановцев — «Маринэ» («Стрекоза») М. Бараташвили в постановке Г. Лордкипанидзе. Становление характера героини происходит на конкретной жизненной основе. В брызжувском веселье исполнении роли Маринэ М. Джалпаридзе мы видим черты молодого человека нашего времени. Весь спектакль получился такой же жизнестойкий, веселый, как и его героиня. Не нова пьеса, но события, показанные в ней, удивительно свежи.

ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД на жизнь в людях — как это ни парадоксально, именно с этой точки зрения подошел театр к европавской «Медее». Исполнительница заглавной роли В. Аджалпаридзе и постановщик А. Чхартушвили стремились к историческому и социальному обоснованию поступков Медеи. В этом новизна прочтения европавской трагедии.

Медея у В. Аджалпаридзе — женщина, несущая трагический

груз собственной вины. Покинувшая родину, потерявшая возможность вернуть любимому народу, вырванную пареня, невозможно низвелилась до положения рабыни, особенно остро воспринимает каждый акт социальной несправедливости. Поведение Медеи в спектакле марджановцев человечески оправдано. Все указания в тексте на темные стороны ее души и колоссальное страдание несущественны. Аджалпаридзе создает образ женщины с цельным, волевым характером. Трагический темперамент актрисы позволяет достичь предельного накала чувств. Но в отдельные моменты исполительница и постановщик в стремлении к симпатичности и мизансцене подменяют чувство истинным обозначением трагизма в душе старинного театра.

Действенным и необходимым стал в спектакле хор (хорифей — арт. Д. Чичинадзе). Вначале он решительно протестует против жестокой и бесчеловечной политики Медеи. Но затем вместе со зрительским залом ставит на защиту поправкой чести женщины, жены и матери. Современному прочтению европавской трагедии служат весь изобразительный строй спектакля (художник И. Сумбаташвили). Выключает уже начало спектакля огромная, почти все здание занимающая сцены с вынесенными на ней элементами драматургии и названном изведении символизирует монументальность литературного памятника. Но вот плита медленно опускается, превращаясь в планшеты сцены, и мы видим трагический слугу Медеи. Характерно и решение финала: Медея, уносящая в плащебук, а согбенная фигура женщины, уходящей до своей горюхой дороге...

Осмысленная похорода марджановцев к «Медее», убеждает, что это театр собственного взгляда на литературное произведение. Так, режиссер и исполнитель не ищут оправдания для Язона, хотя в самой трагедии для этого имеются основания. Уже первый выход Язона (арт. П. Кобаидзе) с веселыми друзьями, его наглый и грубый речь только укрепляет наше сочувствие к Медеи. Происходит намеренное подчинение всей системы образов пьесы единому замыслу. С подобной категоричностью можно спорить не соглашаясь, но в «Медее» и «Ромео и Джульетте» плодотворность такого подхода несомненна.

Трагедия В. Шекспира театр начинает с боя, который идет в болевой темп... Еще до начала действия зрится образная характеристика эпохи. В резком контрасте с родовою враждой, ее произволом возникают в спектакле образы Ромео и Джульетты. В трагедии М. Джалпаридзе преобладает не лирическая сторона образа. С первого появления Джульетты становится ясным ее страстное несогласие с волей родителей. Джульетта — Джалпаридзе — юное существо, но уже самостоятельный человек, активно вступающий против врагов своего счастья. И в этом заключена конкретность образа.

ОСНОВНОЙ на наш взгляд, принцип марджановского театра — всегда идти от своеобразия в особенностях жизненного материала — с большой определенностью проявился в спектакле на современную тему — «Девочка с ленточкой» по пьесе греческого писателя Н. Перьялиса. В этом значительная заслуга постановщика спектакля молодого режиссера А. Кутеладзе и совсем юной актрисы С. Чхурули, исполнившей заглавную роль. Сюжет сходен с итальянским фильмом «Книшка». Девочка Хана и мальчик Янис полюбили друг друга

Они строят хижину на земле Хозияна, но должны закончить работу до утра, в противном случае их сиромое жилище будет разрушено. Театр подчеркивает яркую нищету жизни простых людей Греции, вига самой большой мечтой девушки становится цветная ленточка для волос. Пьеса откровенно сентиментальна и меланхолична. Столкновение безымянных с хозяином жилища усложнено тем, что Девочка — незаконная дочь Хозияна, на земле которого влюбленные построили свой очаг. Однако не то становится подлинным чувством в содержании спектакля. Сила человечности взаимоотношений простых людей, их любовь и взаимная верность, неслыханная вера в счастливое будущее — вот что составляет основную мысль спектакля.

С. Чхурули искренне и просто раскрывает душевное богатство и чистоту героини из народа. Наездник Девочки основывается на бесстыдстве, которое она неизменно встречала в среде таких же бедняков, как и она сама. Актриса сумела выразить живую тему веру в силу, возможность и права людей.

Скажем особо об условности спектакля. Понимая предельную законность изобразительных средств настраивает на скептический лад, но принимается как «завоевание». Долгое время причудливо изогнутое фанерное дерево без ветвей и листьев выглядит нарочито. Но шаг за шагом эта условность начинает убеждать. В финале гибнущая Девочка, сраженная непомерным потрясением, падает, повторяя изгиб изуродованного уралом дерева.

Несмотря на драматический исход повествования Н. Перьялиса, спектакль заканчивается мощными, жизнеутверждающими аккордами... Уходит безымянный из своих разрушений по призыву Хозияна лавать. Вперед идет Янис, несущий на руках хрупкое тело погибшей Ханы — жертвы жестокой несправедливости. И эта скорбная вереница обезданных выглядит торжественным шествием людей, еще крепче сплотившихся и, может быть, уже готовых к борьбе за свои человеческие права. Спектакль поднимается до выражения социального протеста. И в этом его сила.

Успех «Девочки с ленточкой» еще раз наводит на мысль, что законам побед театра является мастерство его актеров. В создании этого спектакля немалая заслуга исполнительницы роли слепого старика-гогирели Закониса (арт. Г. Гоирели), исполнителя роли Хозияна (арт. Г. Татшхили). Законис физически слеп, но Гоирели владеет его ясным «зрением» происходящего. В Сунисе Токорава выступило выражение именно уродство, развращенность этого человека. Свачала заискивающий и бездельный, ищущий «урегулирования», как будто бы даже сочувствующий безымянным людям, он превращается в нечувствующего долгу своего хозяина.

С ТОЧНЫМ учетом жанра и исторического материала решена в театре героическая комедия В. Кадела «Майя из Цигетя». Рассказ о верной дочери грузинского народа, крестьянской девушке — поборнице прав простого люда сценически воспроизведен в смелой театральном манере. Неважно захватывает полнота чувств героини, ее храбрость, беззаветное служение родине, а искренность всех ее переживаний в исполнении актрисы Е. Кипшадзе оправдывает, казаться бы, самые завышенные и сомнительные положения, в которые попадает Майя. Вынужденное переселение

Майя в костюм юности восна, отожавшейся убитой ласкающей, содержит в себе в отчаянно героическое, и комедийное. Поэтому, когда Майя в тюрьме, посылая смертельную опасность для Майя и ее сподвижников, вдруг превращается в фарс, в комедийный, и в первую очередь чувствительна в Е. Кипшадзе, в исполнителе роли Джамала и Манучи, актеры В. Нинчи и Я. Трипольский, это воспринимается как закономерное развитие тех же событий.

И пусть роль князя Анаукапара сыграл П. Согулашвили, в чрезмерно шаржированном манере, пусть оформление спектакля слышном примично и связано для спектаклей на историческую тему, пусть сценца в сабелках боев недостаточно четкая, а интермедия, изображающая потопы, выглядит не очень убедительным вставным эпизодом — все эти отдельные минусы все же не снижают общего высокого звучания патристической комедии. В «Майе из Цигетя» утверждаются истинные важные идеи — торжество народа, неизбежность ухода отживающей общественной формации — феодализма, историческое значение добровольного присоединения Грузии к России.

НЫНЕШНИЕ ГАСТРОЛИ еще раз убеждают, что Театр имени К. Марджанишвили — коллектив больших возможностей, со своими творческими пристрастиями, своим собственным истолкованием литературных произведений, коллектив своеобразного художественного почерка, стремящийся к претворению в жизнь и дальнейшему развитию заветов своего основателя.

Р. АФАНАСЬЕВ,
Б. СИМОНЬЯН.